

Сяо Чжочин по воле случая заполучил улики, изобличающие Сюй Хуамао в убийстве.

В храме Дали бумаги и дела всегда громодились горой. В тот день на стол Сяо Чжочину легла очередная пачка – счета из павильона Цветочного Изобилия. К своему удивлению, среди них он обнаружил расписку: ту самую, что Сюй Хуамао оставил в день, когда за баснословные деньги выкупил контракт Инъюэ.

Подпись Сюй Хуамао вилась размашистым, лихим почерком, а дата на квитанции в точности совпадала с днем гибели Инъюэ.

...Кто же прислал это?

Сяо Чжочин не верил в слепой жребий. Появление столь ладной улики прямо у него в руках могло означать лишь одно из двух.

Первое: он, право слово, Ван Юань, которого небесное провидение балует, словно собственного ребенка.

Второе: кто-то прознал, что он ведет расследование дела Инъюэ, и подбросил улику в расчете чужими руками расправиться с врагом, натравив одного хищника на другого.

Сжав вещественное доказательство, Сяо Чжочин слегка сузил пальцы.

Он прекрасно знал, что небо не благоволит ему, однако порой получить возможность самому вступить в эту партию – уже своего рода милость судьбы.

Вот только какую плату затребует тот, кто втянул его в сию игру?

Его незапятнанную репутацию, чиновничий сан, стоящий за спиной род Сяо – или же саму его жизнь?

Намерения тайного благодетеля выглядели подозрительно, и Сяо Чжочин поневоле

почувствовал себя скованно, опасаясь действовать сгоряча.

- Доставили? - спросил Фэн Юаньси.

Вэй Цюань, он же Инь Шици, прислуживавший во внутренних покоях, почтительно ответил:

- Так точно. Инь Зи докладывает: улики против Сюй Хуамао, вложенные между листами долговых расписок, уже лежат на столе у господина Сяо.

- Вчера он не виделся с князем Лянем?

- Никак нет.

Фэн Юаньси неторопливо постучал пальцами по столешнице.

Чего же он ждет?

Доказательства в руках Сяо Чжоцина образовывали неразрывную цепь - даже сунь их дураку, не знающему грамоты, и тот смог бы сокрушить Сюй Хуамао.

Вот только докуда простирится это сокрушение, зависело исключительно от талантов самого Сяо Чжоцина.

Уж не думал ли он до сих пор, как именно преподнести дело?

Вспомнив мелькнувший давеча узор на губах Сяо Чжоцина перед залом Безмятежного Правления - хищный оскал волка, зреющего в засаде, и расчетливость полководца, - Фэн Юаньси отказывался верить, что тот еще не обдумал красивых речей.

Разве что он сам еще не решил, чего хочет взамен.

Продemonстрировать князю Ляню свои таланты - и получить высокий чин да щедрое жалованье; выказать князю Ляню преданность - и обрести безграничную власть... А коль примкнуть к клике князя Ляня, то когда тот впопыхах отправится кататься по реке Ешуй, Сяо Чжоцин тоже получит право взойти на ту трехпалубную расписную лодку, полные веселья и изобилия весны, чтобы пить вино наравне с прочими вельможами.

Настроение Фэн Юаньси мгновенно испортилось.

Ведь это он затеял сию проверку, сделав ход без права на отыгрыш. Чего бы ни пожелал Сяо Чжочин – то было целиком и полностью в его воле.

В конце концов, отступить от задуманного он не собирался, просто на душе скребли кошки.

– Ваше Величество, прибыл господин Сяо, – доложил из-за дверей Ло Хэюй. – Господин изволил пожаловать во дворец ранехонько, дабы справиться о Вашем здоровье, и желает войти.

Из-за двери донесся негромкий голос Сяо Чжоцина:

– Не стоит, евнух Ло. Если Ваше Величество еще не изволили встать, я подожду на крыльце.

– Мы не спим, – произнес Фэн Юаньси.

Стоявший неподалеку Вэй Цюань вздрогнул всем телом, мгновенно отступив в полутень. Сгорбившись, свесив голову и пряча взгляд, он принял прежний вид покорного и бессловесного евнуха.

Двери спальни отворились снаружи. Ло Хэюй шел впереди, указывая дорогу, а Сяо Чжочин в полном парадном облачении следовал за ним по пятам.

В опочивальне почти никого не было. Из прислуги присутствовал лишь вчерашний Вэй Цюань.

Он по-прежнему стоял неподвижно, бездумно опустил голову, застыв посреди комнаты словно глиняный истукан.

Однако, то ли Сяо Чжочину лишь мерещилось, то ли впрямь что-то изменилось, но сегодняшний Вэй Цюань казался совсем не тем, что вчера: в самой его осанке и манере держаться чувствовалось нечто такое, словно из него вынули хребет, являя разительный контраст с прошлым днем.

– Подданный приветствует Ваше Величество.

Не заметив подвоха, Сяо Чжочин отдал должное при дворе.

Ло Хэюй придвинул для него табурет. Приняв его обеими руками, Сяо Чжочин опустился рядом с ложем.

Фэн Юаньси выглядел на редкость оправившимся.

Судя по всему, он только что поднялся и еще не успел переодеться: черные шелковые одежды распустились, а распущенные пряди волос обрамляли плечи. Полулежа на кушетке, он выглядел здоровым – ни испарины на челе, ни намека на кашель или чихание.

– Похоже, Ваше Величество уже полностью здоровы. Испытываете ли еще какое-либо недомогание?

Они сидели близко друг к другу. Сяо Чжочин подался вперед, намереваясь по привычке коснуться лба Фэн Юаньси.

Но едва его пальцы замерли в двух-трех цунях от кожи, Фэн Юаньси поднял глаза.

Иссиня-черные зрачки, унаследованные от предков из рода Фэн в Ецзине, таили непроглядную глубину, где невозможно было прочесть ни гнева, ни милости. Этот тяжелый, пристальный взгляд казался способным прожечь самую душу.

...Неподобающе.

Сидевший перед ним молодой император вовсе не походил на вчерашнего изнуренного лихорадкой больного. Поняв неуместность своего жеста, Сяо Чжочин уже хотел было отдернуть руку.

Но в следующее мгновение Фэн Юаньси сам подался навстречу, прижимаясь лбом прямо к его ладони.

- Все еще горячо?

Сяо Чжоцин опешил. Глядя на прильнувшего к тыльной стороне его ладони государя, он на мгновение лишился дар речи:

- Нет... вовсе нет...

...Жара спала.

Сяо Чжоцин отпрянул так, будто его ударило током.

Но Фэн Юаньси истолковал его движение по-своему: не успел гость убрать руку, как император сам протянул ему запястье.

Выходит, желал, чтобы ему измерили пульс.

Сегодня протянутая рука Фэн Юаньси выглядела иначе, чем вчера: ладонь была туго стянута белыми чистыми бинтами – та самая, что пострадала от пореза.

Деваться было некуда, и Сяо Чжоцин поневоле коснулся чужого запястья.

Пульс оказался крепким и ровным, лишь самую малость учащенным, бьющимся под его пальцами быстрым, тугим потоком.

Ощущая эту живую пульсацию, он чувствовал под подушечками пальцев легкую дрожь, словно держал в ладони трепещущее, полное надежд и томительного ожидания сердце.

Сяо Чжоцин в конце концов оставался наставником, а не лекарем. Бегло оценив состояние государя по одному лишь пульсу, он вернулся к своим обязанностям и принялся за чтение книг с Фэн Юаньси.

Поскольку сегодня он явился раньше обычного, то и занятия завершились быстрее. Другой наставник, замышлявший цареубийство, так и не объявился, а потому вторая половина дня у Фэн Юаньси выдалась свободной, и двор Изогнутой Террасы оживился сильнее обычного.

Вчерашнее предупреждение Сяо Чжоцина возымело должное действие.

Встревоженные внезапной болезнью государя, евнухи и слуги двора Изогнутой Террасы страшились навлечь на себя кару, а потому крутились куда усерднее прежнего. Помимо дежурств, подачи чая и уборки, они даже сами вызвались сгребать опавшую листву и подрезать завядшие кусты перед залом.

Сяо Чжоцин стоял на крыльце, наблюдая за этой суетой, как вдруг холодный твердый предмет с размаху толкнул его в руку.

Опустив взгляд, он увидел золотого орла: Дунцзюнь таращился на него парой янтарных глазищ и настойчиво тыкался в ладонь крепким изогнутым клювом.

Опять требует ласки?

Поняв пернатого питомца без слов, Сяо Чжоцин протянул руку и огладил его хохолок. Дунцзюнь с готовностью подставил голову еще ближе, буквально втирая ее в ладонь гостя – так доверчиво и исступленно, словно приносил собственную голову в дар.

Сяо Чжоцин невольно улыбнулся, продолжая гладить перья на макушке птицы точь-в-точь так, как гладил свою белую кошку Сюэтуань.

Сидевший неподалеку Фэн Юаньси отвел взгляд.

...Паршивая птица, раньше за ней не водилось такой приторной угодливости.

Стоило ему на миг отвернуться, как боковое зрение, подобное ручью во дворе Изогнутой Террасы, само собой потекло по привычному руслу, вновь возвращаясь к голове Дунцзюня.

Движения чужой руки казались донельзя нежными, будто Сяо Чжоцин боялся причинить орлу боль. А эта наглая птица, напротив, пользовалась добротой гостя без зазрения совести, всю утыкаясь в ладонь темно-бурыми перьями – и ведь не страшилась испачкать столь безупречные, точеные, словно источающие сияние руки.

Фэн Юаньси снова отвернулся.

Только что Сяо Чжоцин точно так же касался его лба, проверяя жар – совсем как вчера.

Кажется, в этот раз прикосновение продлилось еще меньше, чем вчера: лишь мимолетное касание, едва ощутимая прохлада застывшего нефрита.

Однако кожа на месте того прикосновения теперь полыхала пожаром, превращаясь в выжженную равнину.

И хотя жар исчез, Сяо Чжоцин упорно утверждал, что температура в норме и он полностью исцелился.

Разве?

Дунцзюнь вновь издал резкий клекот, принимаясь кружить вокруг Сяо Чжоцина и докучливо щелкать клювом, отчего на душе у императора сделалось совсем черно.

Чего ради этот дурень усталился на птицу и гладит ее без конца?

Неужто ему и впрямь нужно позволить прикоснуться к себе еще раз, чтобы он тоже принялся увиваться перед ним, подобно этой скотине?

Дунцзюнь накрепко приковал к себе внимание Сяо Чжоцина.

Золотой орел, похоже, вовсе не осознавал собственной стати: стоило ему расправить крылья, как он с грохотом опрокинул курильницу, но даже бровью не повел, продолжая кружить волчком возле Сяо Чжоцина.

Фэн Юаньси, впрочем, не выказал неудовольствия: посидев немного за императорским столом, он сам вытащил из-за ширмы половину бараньей туши и с куском мяса в руках вышел на крыльцевой помост.

Привязанный во дворе огромный черный пес дремал, но при виде хозяина, остановившегося в

галерее, вскинул голову и залился радостным лаем, подпрыгивая на месте.

- Пёс, - окликнул он.

Пес затыкал еще истовее.

Сяо Чжочин не поверил своим ушам:

- ...Как вы его называли?

Фэн Юаньси взмахнул ножом и швырнул кусок мяса псине:

- Пёс.

Услышав это прозвище, черный пес пришел в неописуемый восторг: завертелся волчком, затыкал пуще прежнего, а хвост его заходил ходуном, напоминая цветастый веер.

Сяо Чжочин: «...Это его кличка?»

- Угу, - Фэн Юаньси вновь принялся кромсать мясо, отвечая без тени сомнений.

- А почему тогда Дунцзюнь - это Дунцзюнь?

Сяо Чжочин окончательно потерял нить рассуждений.

Услышав свое имя, Дунцзюнь тотчас закрутился вокруг ног Сяо Чжочина, требуя к себе внимания. Фэн Юаньси отрезал еще один лапоть и бросил его собаке со словами:

- Когда его преподнесли в дар, у него уже было это имя.

Сяо Чжочин: - ...

Повезло же орлу: избежать участи назваться просто «Птицей».

Под его ошеломленным взглядом Фэн Юаньси снова занес руку, швыряя собаке свежее угощение.

В тот миг, когда император поднял руку, чтобы забросить кусок сочных бараньих ребрышек, где кожа и мясо перемежались с белыми прожилками сухожилий, Сяо Чжочин заметил яркую, режущую глаз вспышку.

Швы на его ране разошлись сами собой; свежая кровь пропитала повязку, словно нарочно выставляя увечье напоказ перед Сяо Чжочином.

Вэй Цюаня поблизости не наблюдалось. К счастью, в палатах нашлись чистые бинты, и Сяо Чжочину поневоле пришлось самому заняться его раной.

- Как же у вас вышло снова порвать швы? - с укоризной спросил он, аккуратно разматывая окровавленную ткань.

- Не уследил, - холодно отозвался Фэн Юаньси.

Что ж, ладно.

Вспомнив о пропавшем без вести молодом евнухе, Сяо Чжочин счел долгом снова сделать выговор:

- Ваше Величество, если вы намерены править всеми четырьмя пределами империи, сперва должно овладеть искусством управления подчиненными. Если даже простой слуга или прислужница смеют пренебрегать государем, как же заставить вельмож склонить головы, а весь мир - признать вашу власть?

Фэн Юаньси пропустил его слова мимо ушей. По мере того как повязка становилась все тоньше, рука его снова слегка задрожала.

- Больно? - участливо осведомился Сяо Чжочин.

- ...Нет.

Взгляд Фэн Юаньси скользнул по пальцам Сяо Чжочина, которые распускали узелки на бинтах.

Сквозь тонкую ткань материи тепло и осязание чужих рук ощущались все острее. Каждый виток бинта, каждое скольжение чужих подушечек по коже - и его сердце вновь

взбунтовалось, заколотившись в груди с дикой, неукротимой яростью.

Фэн Юаньси вдруг поймал себя на мысли, что он и впрямь сам ищет себе мучений.

Опасаясь причинить ему лишнюю боль, Сяо Чжоцин ускорил движения.

Кровь на бинтах засохла намертво, но стоило ему осторожно снять ткань, как взору предстал жуткий багровый рубец, рассекавший тыльную сторону ладони Фэн Юаньси. Запекшаяся кровь выглядела пугающе.

Фэн Юаньси не издал ни звука, зато руки Сяо Чжоцина невольно затряслись.

Неудивительно, что Фэн Юаньси так трясло...

Сяо Чжоцин невольно поднял на него глаза.

Можно было лишь представить, сколько подобных ран этому юному императору, годами скитавшемуся в одиночестве по холодным дворцовым коридорам, довелось пережить в одиночку, прежде чем он превратился в того безжалостного властелина, каким предстал три года спустя.

Предвидя грядущий исход, он чувствовал, как внутри поднимается волна глухой жалости. Этот шрам, лежавший прямо перед ним, казался молчаливым предзнаменованием: будто ему довелось собственными глазами наблюдать, как рушится до основания великая империя, погребая под собой все живое...

Внезапно Фэн Юаньси отдернул руку.

Он опустил глаза, избегая смотреть на слегка дрожащие пальцы Сяо Чжоцина и на те чересчур прекрасные глаза, что сейчас так пристально, с болью вглядывались в него.

Встречаться с этим взглядом ему было нельзя.

Нежность неизбежно рождает слабость, а тот, с кем никогда прежде не обращались столь бережно, всегда теряется от подобных взглядов.

Тем более что его собственное бунтующее сердце и без того норовило проломить ребра и вырваться из груди на свободу.

– ...Если вам противно, оставьте.

Фэн Юаньси сдернул остатки бинта и, рывком затянув рану новыми витками, кое-как замотал ладонь.

Точно так же, как человек, с которого насильно сорвали одежды, впопыхах натягивает на себя первую попавшуюся поклажу.

<http://bllate.org/book/18810/1865694>